

УДК 821.161.109Бальмонт

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-122-129

«КТО РАВЕН МНЕ В МОЕЙ ПЕВУЧЕЙ СИЛЕ?»: К ЛИТЕРАТУРНОМУ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА

Тихомирова А.О.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А., Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты поэзии Константина Бальмонта: контрастное художественное сознание поэта, многочисленные способы его реализации в лирике. Анализу подвергаются отдельные мотивы философской, любовной лирики – в свете противоречивого мироощущения Бальмонта. Основное внимание уделено лирическим циклам «В безбрежности» и «Горящие здания». Наблюдения автора статьи подкрепляются воспоминаниями современницы поэта. По итогам исследования сделан вывод о многогранности поэзии Бальмонта, о его вкладе в русскую поэзию XX века.

Ключевые слова: поэт, лирика, художественная позиция, авторское воображение, цикл, сборник.

“WHO CAN RIVAL THE STRENGTH OF MY SONG?”: ON LITERARY AND PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF KONSTANTIN BALMONT

A. Tikhomirova

Moscow Region State University

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article addresses various aspects of Konstantin Balmont's poetry, particularly the contrastive artistic vision of the poet and numerous ways of its actualization in his lyric poems. A number of themes of philosophic and love poetry are analyzed in the light of Balmont's controversial perception. The main attention is paid to cycles “In boundlessness” and “Burning houses”. The observations made by the author of the article are validated by the memoirs of one of the poet's contemporaries.

Key words: poet, lyric poetry, literary standpoint, author's imagination, cycle of poems, book of poems.

К 150-летию со дня рождения поэта

Уникальность поэзии рубежа XIX – начала XX столетия состояла в том, что каждая из её творческих индивидуальностей пленяла своей лирической «разноречивостью». Ломка традиций стиха, неприятие устойчивых поэтических норм, поиски новых содержательных и формообразующих компонентов стихотворно-

го текста – всё это и многое другое диктовало демонстративный отказ от единого и последовательного в своём единстве запечатления сущего. По степени контрастного видения несовершенного мира и многочисленных вариаций его художественного преподнесения у всех представителей Серебряного века был свой застрельщик и безусловный лидер – Константин Дмитриевич Бальмонт.

Сам поэт не только осознавал, но и открыто прокламировал неоднородность своей художественной позиции:

Скажите, как мне быть? Я весь – порыв,

Я весь – обрыв, и я – нежней свирели [2, с. 403].

Эти строки из любовной лирики Бальмонта можно спроецировать на всё его творчество. Бьющая через край, иногда кажущаяся чрезмерной, интонационная импульсивность соседствовала с мягкой, подчас убаюкивающей, мелодией произведения. Импрессионистическую манеру с целью воспроизведения «осколков» бытия неожиданно сменяла методика тщательно выписанного и блистательно завершённого пейзажного этюда. Знаменитое поклонение мощным Огню, Воде, Земле и Воздуху поэта, самого себя провозгласившим «стихийным гением», чередовалось с медитативными философскими раздумьями о вечных ценностях, а, соответственно, «кинжальные слова» вступали в непримиримую конфронтацию с «правильной чёткостью силуэта» стихотворного рисунка [2, с. 147, 177].

Поэт свято чтит христианские заветы («И всякий грех прощается, когда простим другим»), испытывал потребность божественного просветления [2,

с. 230], проявленную фактически во всех поэтических сборниках. Осознание повсеместно распространённых человеческих пороков, оправданных во многом зыбкой, дисгармоничной современностью, побуждало искать защиты у Спасителя даже за роковой чертой:

Но, стремясь, греша, страдая, плача,
Дух наш вольный был всегда храним.

Жизнь была решенная задача,

Смерть пришла – как радость
встречи с Ним [2, с. 266].

Но наряду с подобной одухотворённостью в лирике Бальмонта нередко можно встретить и диаметрально противоположные строки, исполненные мрачных, зловещих сил, враждебных мятущейся, хрупкой человеческой душе. Об этом свидетельствуют и цикл «Пляски смерти» («Будем как солнце»), и отдельные нашумевшие стихотворения сборника «Только любовь». В определении самого высокого в жизни чувства поэт мог ощущать и воссоздавать «нежней, чем серебряный звон, нежнее, чем ландыш душистый», а мог, поддавшись волне чувственности, сотворить лирическое откровение, буквально источающее негу сладострастия:

И не дышит ли влага прозрачная,

В глубину принимая лучи?

И не ждёт ли земля новобрачная?

Так люби. И целуй. И молчи

[2, с. 158, 249].

Любая книга Бальмонта демонстрирует двуначалие авторского воображения. Так, ещё ранний сборник «В безбрежности» насыщен, с одной стороны, статичными, умиротворяющими картинами небесного и морского пространств, звёзд, луны, тумана, цветов, «воды зеркальной», с другой –

содержит стихийное начало, оттеняет мечту «будить в горах грохочущее эхо» [2, с. 98, 99]. Сама кольцевая композиция сборника как будто воплощает процесс движения от тишины и сна к неизведанному Свету, овеществляя динамику чувства. В начальном стихотворении герой поднимается на «башню» своей мечты, не желая принимать закономерно наступающие после уходящего дня ночь и покой, а финальное несёт в себе ощущение прорыва через любые пределы, «дальше, прочь от грани тесной», акцентирует доминирующее эмоциональное состояние – «ненасытную мятежность» духа [2, с. 112]. Нередко полярные стороны души заключены в рамках одного поэтического произведения. «Раненый» (одноименное стихотворение в сборнике «Горящие здания») герой кричит от боли безысходности:

Я насмерть поражён своим сознанием,

Я ранен в сердце разумом моим.

Я неразрывен с этим мирозданьем,

Я создал мир со всем его страданьем,

Струя огонь, я гибну сам, как дым [2, с. 172].

Меткая метафора в последней строке помогает понять истоки внутреннего душевного надлома: создатель животворящего огня искусства неизбежно обречён на мучительные сомнения относительно его сути, осознавая призрачность всего созданного. Холодный рассудок губительно сталкивается с огромным чувством, являющимся, как известно, предтечей высокого творчества. Посещающие каждого смертного мысли об иллюзорности окружающего гиперболизированно предстают у самоуглублённой творческой индивидуальности: поэт находится «у самого

себя в неволе», подчиняясь «знаку безбрежной воли» Бога.

По мысли Л.А. Смирновой, «смелое воображение художника творило мир, многообразными узлами соединивший «видения высших грёз» с призраками «тёмных духов», утвердивший «различие согласное» противоположных явлений, их «нетождественность» и «неразлучность» между собой» [3, с. 244]. Действительно, сочетание несочетаемого в лирике Бальмонта акцентирует уникальность его художественного сознания, с одной стороны, казалось бы, раздробленного, с другой – целостного, органичного.

Но была ещё одна сторона натуры Бальмонта, вынесенная на всеобщее обозрение, растиражированная современниками – его поведение, игра на публику. По свидетельству многих очевидцев, поэт очень любил привлекать к себе внимание, в отдельных случаях даже эпатировать окружающих. Такое поведение не было исключением из правил: оно являлось в какой-то степени приметой времени, можно сказать, символом эпохи Серебряного века, где каждый поэт заявлял о себе со всей очевидностью, «во весь голос». Бальмонт, долгие годы считавшийся царём стиха, часто выступал в литературных салонах, на различных поэтических вечерах, неизменно удивляя, а подчас и изумляя собравшихся своей манерой общения.

Последующие далее, впервые публикуемые, воспоминания принадлежат перу современницы поэта, бабушки автора данной статьи, Тихомировой Нины Николаевны (1899–1967), оставившей, помимо них, записки об Андрее Белом, Сергее Рахманинове, других деятелях Серебряного века. Ду-

мается, личная оценка непосредственного наблюдателя, участника событий может подтвердить мысль о глубине лирики Бальмонта и одновременно неоднозначном его поведении, демонстрирующем крайнюю противоречивость мироощущения поэта.

« – Ниночка, – сказала мне Таня, когда мы выходили с ней из Политехнического музея, где учились на курсах сестёр милосердия, в один тёплый апрельский день 1917 года, – я чуть не забыла. Оля очень просила прийти к нам в субботу вечером.

– А что будет у вас в субботу?

– Ты знаешь страсть моей сестрицы к знаменитостям! В этот раз ей удалось заполучить самого Бальмонта!

– Бальмонта, поэта? Ну конечно, приду! Я очень люблю его стихи.

– Только ты приходи ровно к семи часам. Бальмонт сказал, что хочет видеть девичьи лица в отблесках заходящего солнца. Так не опаздывай же!

Но в субботу я зачиталась каким-то душераздирающим английским романом и по своему обыкновению не могла оторваться от него, пока не проглотила весь до конца. А потому, когда я, запыхавшись от быстрой ходьбы, вошла в столовую Кожевниковых, все уже были в сборе и только что сели за чайный стол. Я сделала общий поклон и села между Танечкой и её мамой у большого самовара. Это был очень удобный наблюдательный пункт: я могла видеть всех, а сама была спрятана за самоваром.

В центре стола на почётном месте сидел Бальмонт. Густая грива белокурых вьющихся волос была откинута назад, открывая большой выпуклый лоб, на тонком, длинном носу сверка-

ло пенсне в золотой оправе, курчавая бородка обрамляла упрямый, слегка выдающийся подбородок. Короткую шею подпирал крахмальный воротничок. Одет он был в чёрный сюртук, по моде схваченный у талии. На вид ему было лет сорок – сорок пять. Он был единственным мужчиной в комнате, даже мальчиков, братьев Тани, нигде не было видно: как позже я узнала, их запрятали в самую дальнюю комнату, т. к. Бальмонт изъявил желание, чтобы были только девушки. Но зато молодых девушек было много, человек двенадцать, если не больше, и почти все хорошенькие.

Вокруг Бальмонта сидел целый рой молодых артисток Камерного театра, подруг Оли, и они наперебой восторгались переводом Бальмонта пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон», которая шла у них в театре. Гимназистки, сидевшие напротив, смущённо молчали и влюблёнными глазами смотрели на Бальмонта. Мы с Таней представляли среднюю группу девушек: нам было по восемнадцать лет, мы являлись курсистками 1-го курса и считали себя взрослыми.

Пока я занималась наблюдениями, чайник на самоваре настоялся, Ольга Дмитриевна налила первый стакан чая почётному гостю, и сейчас же много готовых рук передали его и поставили перед поэтом. Он взял стакан, посмотрел его на свет, поднялся и мелкими, семенящими шажками пошёл к самовару. Подавая стакан удивлённой хозяйке, он сказал только одно слово, сильно в нос:

– Гуще!

– Что-что? – зашептала смущенная хозяйка.

– Гуще, гуще! – нетерпеливо повторил он и, поставив стакан на стол,

быстро пошёл на своё место, оставив хозяйку в полном смятении.

– Ну наливай же скорее, крепче, крепче, – шипела сзади нас Оля. И растерянная Ольга Дмитриевна дрожащей рукой слила весь чай из чайника в новый стакан и сама понесла его гостю.

– Ну как теперь? – робко спросила она.

Он снова посмотрел его на свет и, закинув голову назад, сказал:

– Как солнце!

Таких стаканов, «как солнце», он выпил не менее пяти, и для этого хозяйка высыпала в чайник весь свой запас чая из кипарисовой чайницы, стоявшей на столе.

После чая все перешли в комнату девочек, превращённую на этот вечер в гостиную. Тут все начали просить Бальмонта читать стихи. Он встал, заложил руку за сюртук, как Наполеон, и, откинув волосы назад, начал читать нараспев и сильно в нос:

– Я на башню всходил, и дрожали ступени,

И дрожали ступени под ногой у меня...

А потом – «В моём саду», «Камыши» и, наконец, «Лебедь»:

– Заводь спит. Молчит вода зеркальная...

Слушая его, я снова поддалась обаянию этих чудесных, музыкальных, звенящих, как тонкий хрусталь, стихов. И хотелось сидеть так, закрыв глаза, и без конца впитывать в себя то нежную и грустную, то хватающую за душу музыку слов. Но очарование пропало сразу, когда Бальмонт, выбрав самую полную из девушек-артисток, черную бровую хохлушку с румяными губами, в ярко-розовом платье, обтягивающем

её пышные формы, подошёл к ней вплотную и, как-то подавшись весь вперёд, начал читать:

– Хочу быть дерзким! Хочу быть смелым,

Из сочных гроздий венки свивать.

Хочу упиться роскошным телом,

Хочу одежды с тебя сорвать!

– Господи, да это настоящий павиан! – вырвалось у меня так громко, что Таня закрыла мне рот рукой, а сзади меня раздалось заглушённое хихиканье. Я оглянулась и в чуть приотворённую дверь увидела братьев Тани, сидящих на полу в коридоре и подглядывающих эту сцену. Особенно поразили меня огромные черные глаза десятилетнего Джека, со страстным любопытством смотревшего на зардевшуюся ярким румянцем хохлушку. Бурными аплодисментами покрыли девушки это выступление Бальмонта.

– А теперь, девушки, покажите и вы свои таланты, – сказал он.

И сейчас же усадили Ольгу Дмитриевну за рояль, и одна из артисток спела тоненьким голоском французскую песенку, кокетливо стреляя глазами в Бальмонта. А самая изломанная из всех девиц, извиваясь, как змея, декламировала какие-то футуристические-эротические стихи, по-видимому, не понравившиеся Бальмонту, т. к. он очень небрежно и слегка аплодировал ей. Маленькая, хрупкая блондинка Христя Баяджиева, похожая больше на северную девушку, чем на армянку, очень изящно и пластично станцевала модный тогда танец «босоножек». Но лучше всех, конечно, была Огонезова. Жгучая брюнетка с большими карими глазами и тонкими чертами лица, она обладала глубоким, низким голосом. Чудесно спела она под гитару «Мой ко-

стёр» и «Ночи безумные, ночи бессонные», а потом, распустив две чёрных косы по плечам, с маленьким серебряным кинжалом в руке, тонкая и гибкая, как тростник, закружилась в вихре бешеной лезгинки. Когда, наконец, она остановилась посередине комнаты, прижимая руку к сильно бьющемуся сердцу, Бальмонт подошёл к ней и сказал свой первый экспромт о том, как хорошо после цыганских песен у Яра мчаться в снежную, бурную ночь с такой чудесной южной красавицей, как она, вдыхая аромат её волос. Христе он сказал, что она похожа на хрупкую снегурочку, но что под её снежным покровом таится южный темперамент, и счастлив будет тот, кто сможет разбудить его. А потом вдруг, перейдя всю комнату быстрыми, семенящими шажками, он пошёл прямо в угол, где притаились мы с Таней, и, подойдя вплотную к ней, резким движением откинув голову назад, произнёс:

– Ты ещё слепа, но твоя тропа
Ласки нежности полна...
Будешь влюблена! –

при этом он ткнул её прямо в грудь своим острым пальцем. Таня вспыхнула, вскочила и выбежала из комнаты. А у меня в голове мгновенно пронеслось: «Если он и меня ткнёт куда-нибудь, я наговорю ему дерзостей!» Но к нему подбежала ломучая девица и начала умолять, чтобы он ей сказал экспромт, и сразу же все девушки и даже гимназистки окружили его и наперебой начали просить:

– Константин Дмитриевич! И нам, и нам скажите что-нибудь!

А он смеялся и, шутиливо отбиваясь от них, говорил:

– Не все сразу, девушки, по очереди, пожалуйста!

Воспользовавшись этой суматохой, я незаметно выскользнула в переднюю и, как Фока в «Демьяновой ухе», «схватив в охапку кушак и шапку», лавиной скатилась с пятого этажа и долго бежала по Поварской, как будто за мной кто-то гнался. Но когда я наконец приостановила шаг, всё, только что виденное, снова предстало предо мной. Но не павианом казался мне теперь Бальмонт, а индейским петухом, распустившим свой хвост среди кудахтающих кур и воробышков. И я так громко рассмеялась, что какая-то влюблённая парочка, идущая навстречу, шарахнулась от меня, а старушка, только что вышедшая из церкви, перекрестилась и сказала:

– Бедная, бедная, такая молоденькая, а уж тронулась, вот она что делает, война-то...

Это замечание отрезвило меня, и я пошла уже спокойно, думая о том, как могло случиться, что такой большой поэт, как Бальмонт, писавший чудесные стихи, не только музыкальные, но часто и глубокие по мысли, мог быть таким, каким я увидела его сегодня. Моя прямолинейная молодая душа никак не могла с этим смириться. «Мне не надо было ходить туда сегодня», – подумала я. И вдруг у меня в голове мелькнула мысль: «А может быть, он и сам в глубине своей души всё понимал, когда писал это», – и я тихонько запела любимый мой тогда романс на слова Бальмонта:

– В жизни кто оглянётся,
Тот во всем обманётся,
Лучше безрассудными
Жить мечтами чудными.
Жизнь проспаться свою.
Баюшки-баю».

Как справедливо отметила Л.Ф. Алексеева, «в море бальмонтовской поэзии каждый читатель найдёт близкие себе капли» [1, с. 276]. Одним читателям поэт близок как «ветров и бурь бездомных странний брат» [2, с. 422], другие ищут в его стихах утончённую, изысканную музыку любви, третьих пленяет знаменитая «филосо-

фия мгновения» Бальмонта. Бесспорно одно: своим разносторонним творчеством поэт предвосхитил многие художественные открытия XX века, а жизнерадостность и энергия природы добавляли его лирике ощущение полноты жизни во всей её оригинальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л.Ф. К.Д. Бальмонт // История русской литературы XX века. Книга вторая. 1910–1930-е годы. Русское зарубежье. Под ред. Л.Ф. Алексеевой. М.: Студент, 2012. С. 263–276.
2. Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1969. 710 с.
3. Смирнова Л.А. Золотой сон души. О русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Водолей, 2009. 390 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.F. [K. Balmont]. In: *Istoriya russkoi literatury XX veka. Kniga vtoraya. 1910–1930-e gody. Russkoe zarubezhè* [History of the Russian literature of the twentieth century. The second book. 1910–1930s. The Russian Diaspora] / Edited by L. F. Alekseeva. Moscow, Student Publ., 2012, pp. 263–276.
2. Bal'mont K.D. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 710 p.
3. Smirnova L.A. *Zolotoi son dushi. O russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [Golden dream of the soul. On the Russian literature of 19–20 centuries]. Moscow, Vodolei Publ., 2009. 390 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомирова Алла Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla O. Tikhomirova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Russian Literature of the 20th Century in Moscow Region State University;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тихомирова А.О. «Кто равен мне в моей певучей силе?»: к литературному и психологическому портрету Константина Бальмонта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 122–129.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-122-129

CORRECT REFERENCE

A. Tikhomirova. "Who can rival the strength of my song?": on literary and psychological portrait of Konstantin Balmont. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 3, pp. 122-129.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-122-129